

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32. № 2. С. 85–90. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 85–90. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN WPSNIH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-85-90>

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ: ЖЕСТ «ПРОТЯНУТАЯ РУКА»

Григорян Алла Маратовна, аспирант, Ивановский государственный университет, Кострома, Россия, alla.grigorian@bk.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-7293-8361>

Аннотация. В статье рассматривается жест «протянутой руки» как один из характерных элементов невербального поведения персонажей в творчестве Н.В. Гоголя. В центре внимания находится не столько описание телесного движения как такового, сколько его смысловая нагрузка и функции в художественном тексте. Исследование опирается на положения кинесики, в частности на концепцию Г.Е. Крейдлина о знаковом характере жеста, а также на наблюдения В.Н. Турбина, трактующего протягивание руки как значимый компонент гоголевской поэтики. Показано, что жест протянутой руки у Гоголя проявляется в ситуациях прошения и мольбы, стремления завладеть желаемым, угрозы, предложения помощи, а также попытки вступить в контакт с другим персонажем. Отдельно рассматриваются описания женских и детских рук – случаи, когда диминутивные формы и оценочные эпитеты усиливают экспрессивность образов. Делается вывод о том, что протянутая рука в гоголевском тексте, как правило, не сводится к нейтральному физиологическому описанию, а функционирует как знаковый жест, позволяющий выявить внутреннее состояние героя, углубить смысловую организацию художественного текста, на определенном этапе становясь формой духовного высказывания.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, невербальное поведение, невербальная семиотика, жест, протянутая рука, руки, инвариант.

Для цитирования: Григорян А.М. Невербальные проявления в творчестве Н.В. Гоголя: жест «протянутая рука» // Вестник Костромского университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 85–90. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-85-90>

Research Article

NONVERBAL MANIFESTATIONS IN THE WORKS OF NIKOLAI GOGOL: THE “OUTSTRETCHED HAND” GESTURE

Alla M. Grigorian, postgraduate student, Ivanovo State University, Kostroma, Russia, alla.grigorian@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7293-8361>

Abstract. The article examines the gesture of the “outstretched hand” as one of the characteristic forms of nonverbal behaviour in the works of Nikolai Gogol. The focus is placed not on the physical movement itself, but on its semantic potential and its functions within the literary text. The study draws on the principles of kinesics, in particular Grigoriy Kreidlin’s concept of the gesture as a meaningful sign, as well as on Vladimir Turbin’s observations, which treat the outstretched hand as an important component of Gogol’s poetics. It is shown that this gesture in Gogol’s prose appears in situations of supplication and begging, the desire to obtain or possess something, threat, the offer of help, and attempts to initiate contact with another character. Special attention is paid to the depiction of women’s and children’s hands, where diminutive forms and evaluative epithets enhance the expressive quality of the images. The article concludes that the outstretched hand in Gogol’s works should generally not be regarded as a neutral physiological gesture, but rather as a meaningful sign that reveals the character’s inner state, contributes to the semantic depth of the literary text, and at a certain stage becomes a form of spiritual expression.

Keywords: Nikolai Gogol, nonverbal behaviour, nonverbal semiotics, gesture, outstretched hand, arms, invariant

For citation: Grigorian A.M. Nonverbal manifestations in the works of Nikolai Gogol: the “outstretched hand” gesture. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 85–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-85-90>

Жестово-мимическое поведение героев Гоголя (то, что в невербальной семиотике относят к сфере кинесики [Крейдлин]) настолько многообразно, что, естественно, не могло остаться незамеченным исследователями. Однако интерес, который проявлен к этой грани гоголевского художественного мира, как правило, ограничивается короткими, неразвернутыми замечаниями или – в другом случае – более детальным анализом, но лишь отдельных телесных характеристик, как это сделано Ю.В. Манном по отношению к «формуле окаменения» [Манн: 329]. Требуется скрупулезный анализ, основанный на фронтальном изучении всех повествовательных произведений Гоголя, рассмотренных в обозначенном аспекте. Выстраиваемый на этой основе парадигматический ряд способен глубже раскрыть как инвариантную семантику той или иной невербальной характеристики, так и семантику конкретного ее воплощения в произведениях с разными героями, изображенными в разных ситуациях. В результате в новом свете может открыться и гоголевская антропология, связанная с проявлениями телесного поведения его персонажей, и аксиологические предпочтения писателя.

К числу знаковых, семантически насыщенных проявлений невербального поведения гоголевских героев среди прочих относится жест «протянутая рука». Едва ли не единственная попытка определить смысловую нагрузку данного жеста принадлежит В.Н. Турбину, придающему ему особое значение и трактуящему его как своего рода аксиологический центр творчества Гоголя, манифестирующий функцию «даяния, дарования; напутствия и готовности оказать помощь; объединения, соединения» [Турбин: 13]. Однако наблюдение В.Н. Турбина ограничивается единственным примером из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», хотя исследователь, расширяя в данном случае семантику жеста (в повести он связан только с функцией «объединения, соединения» и отчасти «готовности оказать помощь»), вероятно, имел в виду и какие-то другие гоголевские произведения (какие – остается неясным). Отдельные аспекты телесной семантики у Гоголя, в том числе случаи «застывшей руки», рассматривались автором данной статьи [Григорян: 65]. Однако жест «протянутая рука» требует гораздо большего внимания, и даже на первом уровне рефлексии становится ясно, что сделанное В.Н. Турбиным наблюдение не охватывает всех смысловых проявлений, стоящих за этим телесным движением.

По наблюдениям Г.Е. Крейдлина, существуют «прагматически освоенные жесты», привычно укорененные в русской культурной традиции [Крейдлин: 96–97]. Движение «протянутой руки» как раз и относится к таким обладающим устойчивым набором значений жестам вследствие их частого ис-

пользования в русской культуре. Но Г.Е. Крейдлина преимущественно интересовала его семантика, реализующаяся в *реально-жизненном* человеческом поведении, причем те его значения, какие стоят за этим телесным проявлением движения, свойственным большинству людей. Понятно, что конкретный писатель, создающий *свою* реальность, *свою* картину мира (в нашем случае Гоголь), даже повторяя общераспространенные значения жеста, подчиняет их *своим* художественным заданиям. Наша задача – рассмотреть реализацию этого жеста на максимально полной источниковой основе и, описав его смыслы, обусловленные контекстом, выявить то, что присуще именно Гоголю.

Интересующий нас жест появляется уже на страницах ранних произведений писателя. *Протянутая рука* материализует стремление героя завладеть чем-либо, дотянуться, дотронуться до желанного объекта (в этом проявлении смысловая нагрузка жеста никак не вписывается в характеризующую позитивной семантикой формулировку В.Н. Турбина). В «Вечере накануне Ивана Купала» Петро протягивает руку к цветку папоротника, как велел черт, с которым герой заключает союз, продав ему свою душу. В овраге, где происходит действие (локусе, которое народное сознание устойчиво соотносит с нечистым местом), гоголевский герой совершает то, что предписано Басаврюком (первоначально прозрачно названным Гоголем Бисаврюком): ««Теперь пора», – подумал Петро и *протянул руку* (здесь и далее курсив мой. – А. Г.). Смотрит, *тянутся из-за него сотни мохнатых рук* также к цветку, а позади его что-то перебегает с места на место. Зажмурив глаза, дернул он за стебелек, и цветок остался в его руках» [Гоголь 1: 144].

Уже сама по себе ситуация – человек в союзе с дьяволом и в то же время в окружении inferнальных сил (мешающих здесь выполнить задуманное) в высшей степени характерна для Гоголя. Менее очевидно то, в чем порой писателю необоснованно отказывают, а именно психологическая нюансировка, сопровождающая жест его персонажа. Поскольку цветок представляет интерес как для героя, так и для окружавшей его нечисти, протягивание руки Петро можно трактовать как проявление нерешительности, связанной с возможным опасением того, что может последовать за его действием – герой именно «*протягивает*» руку к цветку, не срывая его сразу, причем сопровождая итоговое действие, «зажмурив глаза». Воссоздается внутреннее напряжение, чувство страха и возможное отвращение к «мохматым рукам», которое испытывает Петро. Такая фиксация «переходного момента», совершаемого героем своего рода «полудвижения» соотносится с наблюдениями Ю.М. Лотмана о гоголевской поэтике пограничных состояний, в ко-

торых телесный жест становится маркером перехода между разными уровнями бытия и сознания персонажа [Лотман: 112–114].

Другое характерное для Гоголя решение дано в повести «Страшная месть» и связано с кардинальной трансформацией общераспространенной семантики, репрезентирующей иную свойственную писателю черту – тему отклонения от *должного*, его разрушения. В данном случае эта тема решается на уровне микроэпизода. Действительно, подать руку означает пойти на контакт, довериться. Жест *протянутая рука* в таком случае может быть рассмотрен как форма телесного обращения к другому человеку, что соотносится с бахтинским пониманием диалогичности как фундаментального принципа художественного мира Гоголя [Бахтин: 37–38], с чаемым писателем движением человека к человеку. Между тем колдун, отец Катерины, ведет себя совершенно иначе. В надежде прекратить раздор с тестем Данило просит его подать руку: «Дай, Отец, руку! Забудем бывшее между нами. <...> Что же ты *не даешь руки?*» [Гоголь 1: 252]. Отказ равносителен здесь нежеланию наладить отношения и пойти навстречу друг другу.

Нечто подобное присутствует и в «Миргороде», в привлечшей внимание В.Н. Турбина «повести о ссоре», где вроде бы готовое свершиться примирение Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича («Тогда обступили их со всех сторон тесно и не выпускали до тех пор, пока они не решились *подать друг другу руки*» [Гоголь 2: 272–273]) приводит к новому всплеску ненависти и в конечном итоге к бесконечно тянущейся тяжбе бывших друзей. Очевидная причина этого в повести «Миргорода» – заново неосторожно произнесенное Иваном Никифоровичем слово «гусак», которое так ранит Ивана Ивановича (о причинах его обостренной реакции на это слово см.: [Капустин]). Однако есть и менее очевидная, не всегда замечаемая, но чрезвычайно характерная для Гоголя мотивировка происходящего: герои повести (не только Иван Иванович и Иван Никифорович) часто чертыхаются, тем самым создавая благоприятное условие для появления inferнальных сил. Такова художественная логика Гоголя, которому в значительной мере свойственно неконвенциональное восприятие слова – отсутствие зазора между означающим (словом) и означаемым (подробнее см.: [Капустин]). Примечательно, что и трагическая ситуация, в которой оказывается Хома Брут (повесть «Вий»), также в значительной мере спровоцирована чертыханием героя.

В «Страшной мести», однако, есть и другая деформация рассматриваемого нами жеста. Она связана с мотивом лжи и обмана. Отец Катерины, чтобы избежать железных оков, признается: «...я напустил им в глаза туман и *вместо руки протянул сухое дерево*» [Гоголь 1: 262–263]. Гоголевский колорит усили-

вает здесь и характерное для писателя слово *туман*, нередко соотносимое в его произведениях с мотивом обмана.

Вместе с тем интересно отметить, что разные герои Гоголя при интересующем нас жестовом движении могут вести себя сходно. Так, поведение протягивающего к месяцу (чтобы украсть его) руку черта из «Ночи перед Рождеством» невольно напоминает поведение Петруся из «Вечера накануне Ивана Купала», хотя черт, разумеется, делает это с другими целями, чем герой рассказа. Намереваясь похитить месяц с неба, он сначала тоже только протягивает к нему руку, а затем несколько раз отдергивает ее, проявляя нерешительность: «...уже *протянул было руку схватить его*, но вдруг *отдернул ее назад*, как бы обжегшись... снова отскочил и *отдернул руку*. И только потом уже следует решительное действие: «Подбежавши, вдруг *схватил он обеими руками* месяц» [Гоголь 1: 202–203]. Рука находится в движении – медленно тянется к объекту и резко отстраняется от него, тогда как овладение объектом происходит решительно («схватил») и, что немаловажно, обеими руками. В то же время с чертом из «Ночи перед Рождеством» до известных пределов соотносим оживший мертвец («Страшная месть»), который тянет руки к небу, словно стремясь дотянуться до месяца: «*Страшно протянул он руки вверх*, как будто хотел достать месяца...» [Гоголь 1: 248].

При всей очевидной разнице героев (к тому же черт в «Ночи перед Рождеством» подается комически, тогда как в двух других случаях доминирует семантика страшного) у Гоголя прописаны сближающие их «сценарии» действий: гоголевский персонаж «говорит» посредством рук вне зависимости от своей природы – это может быть и обыкновенный человек, и черт, и мертвец. Связано это, вероятно, с тем, что у Гоголя, как любого другого писателя, вырабатываются свои стереотипы, клише при изображении сходных ситуаций, избежать которых довольно сложно.

Однако у Гоголя есть и другие вариации с образной интересующего нас жеста, не связанные со стремлением дотянуться до человека или какого-либо объекта. Например, в «Заколдованном месте» протянутые руки свидетельствуют о приподнятом настроении и энергетике героя, связанной со стихией танца: «Вот как танцуют! – сказал он, поднявшись на ноги, *протянув руки* и ударив каблуками» [Гоголь 1: 311]. Несколько особняком в этом контексте стоит Чичиков, который, однако, тоже испытывает чувство довольства и приподнятое настроение: «Чичиков проснулся, *потянул руки и ноги* и почувствовал, что выспался хорошо» [Гоголь 6: 135].

Протягивание руки с целью дотронуться можно расценить как минус-прием, когда за ним не следу-

ет прикосновения к объекту интереса. Автор акцентирует внимание на стремлении героя приблизиться к чему-то и тем самым формирует ожидание телесного контакта, которое не оправдывается: «Пульхерия Ивановна *протянула руку*, чтобы погладить ее (кошку. – А. Г.), но неблагодарная... выпрыгнула в окошко» [Гоголь 2: 30]. Прерывистость и незавершенность действия также характерны для гоголевского текста: движение нередко фиксируется в моменте намерения, а не результата, что, по наблюдению В.В. Виноградова, усиливает экспрессивность сцены и создает внутреннее напряжение [Виноградов В.В.: 216].

Есть случаи, когда упоминаемые повествователем руки отличаются типом движений. Например, вытянутая рука, указывающая на что-либо (в данном случае на место), служит инструментом привлечения внимания, а также завлечения и приглашения: «Хозяин... поместился сызнова у дверей, *засывая прохожих и указывая им одной рукой на лавку*» [Гоголь 3: 81]. А описание руки, заслоняющей глаза, говорит о попытке Манилова лучше рассмотреть гостя и вместе с тем помогает увидеть Чичикову его самого – «...хозяина, который стоял... *приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами*, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж [Гоголь 6: 23]. В приведенных примерах движение рук обусловлено бытовыми ситуациями и не несет каких-либо специфических гоголевских признаков. Однако такие случаи у Гоголя наблюдаются довольно редко. Чаще всего он выводит жест за пределы чисто физиологических функций, придавая ему экспрессию и включая в значимые контексты, связанные с inferнальными мотивами, в чем мы уже могли убедиться, или религиозными (об этом речь впереди).

Говоря о женских руках, автор прибегает к использованию диминутивных форм для выражения их красоты, изящества и миниатюрности – типичные средства Гоголя при описании женского пола, обычно связанные с сентиментальной идеализацией героинь персонажами противоположного пола или повествователем: «*Просунь* сквозь окошечко *хоть белую ручку* свою...», «*Белая ручка протянулась...*», «...подшел сначала к *старушкиной ручке*, а после к *ручкам обеих барышень*», «*Хорошенькая ручка* смеющейся, блистающей, как белый сахар, панны», «подносила ко лбу свою *беленькую ручку* с полупрозрачными пальцами», «...казните вашею генеральскою *ручкою*» [Гоголь 1: 154, 177, 298; Гоголь 2: 163; Гоголь 3: 57, 197]. Отметим также частотность употребления эпитета «белый» и его производных по отношению к женским рукам.

Сентиментальность выражается и через диминутивные формы при описании детских рук и их движений, причем у Гоголя это преимущественно лексема

«ручонки»: «...испуганное дитя *протянуло ручонки* и кричало», «дитя... *протянуло к нему ручонки* и засмеялось» [Гоголь 1: 270–271].

В этом плане особенно показателен эпизод из рассказа «Вечер накануне Ивана Купала», где детские руки Ивася останавливают Коржа в порыве гнева и тем самым спасают Петруся: «...прибежал и *в испуге схватил ручонками его за ноги*» [Гоголь 1: 142]. Сентиментальность, которой был не чужд начинающий Гоголь, особенно явно проявлена в сцене, в которой заступившийся за Петру ребенка погибает от его руки, хотя здесь вместо жеста *протянутая рука* (вполне возможного в данной ситуации) появляется другой: «*сложив накрест ручонки*, он (Ивася. – А. Г.), казалось, умолял его о пощаде» [Гоголь 1: 358]. Образ креста (сложенные крестом руки) привносит религиозные смыслы, вплоть до неоднократно замеченного исследователями соотнесения Ивася с Иоанном Предтечей (в то же время этот жест можно расценить как предзнаменование надвигающейся гибели, ведь согласно православной традиции руки покойного складывают на груди крестообразно).

Уже в раннем творчестве обозначается еще один полюс использования Гоголем жеста «протянутая рука», тесно связанный не с его негативно окрашенной семантикой, а с позитивно подаваемыми ситуациями, отражающими те аксиологические предпочтения писателя, которые будут развиты далее. Протянутая рука оказывается выражением желания помочь, прийти на выручку: «Баба, наклонившись, казалось, что-то шептала и, *протянув над нею иссохшую руку свою*, опрыскивала ее холодной водою» [Гоголь 1: 263]. Такова сцена из «Страшной мести». В «Портрете» эта семантика сохранится, но обнаружит себя уже не как зримое, телесное проявление, а в метафорическом плане, как общеизвестный фразеологизм «протянуть руку помощи»: «Кроме того, он (отец художника Б. – А. Г.) ни в каком случае не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бедному художнику; веровал простой, благочестивой верою предков...» [Гоголь 3: 127].

С мотивом помощи и благодеяния соотносится и фрагмент из «Мертвых душ», где протянутые руки – выражение мольбы, сопровождаемое описанием неприглядной одежды детей: «Несколько мальчишек в замаранных рубашках *протянули руки*, приговаривая: “Барин, подай сиротиньке!”» [Гоголь 6: 21].

Все это предвещает ту семантику интересующего нас жеста, которая будет доминантой религиозно-философского дискурса позднего Гоголя, когда жест протянутой руки приобретает нравственное и христианское измерение. Речь идет о книге «Выбранные места из переписки с друзьями». По словам В.А. Воропаева, поздний Гоголь воспринимает мир сквозь призму христианской ответственности личности,

подчиняя внешнее действие внутреннему духовному выбору человека [Воропаев: 78–79]. Закономерно, что в «Выбранных местах...» жест соотносится с темами милосердия, подаяния и смирения, хотя и намеченными, как мы могли наблюдать, в более ранних гоголевских произведениях, но еще не выдвинутых там на передний план: «От нас уже довольно бывает *протянуть руку с тем, чтобы помочь*, помогаем же не мы, помогает Бог...» [Гоголь 8: 216]. Здесь жест *протягивание руки*, обретая метафорический характер (как было уже в «Портрете»), по сути, начисто лишается телесной зримости и метафорически осмысляется как форма соучастия в божественном замысле, что позволяет говорить о трансформации жеста из телесного в духовно-символический.

В контексте религиозно-духовной проблематики «Выбранных мест...» отсутствие изучаемого нами жеста становится даже более значимым, чем его осуществление, поскольку невозможность протянуть руку может обозначать крайнюю степень человеческой немощи и утрату способности к духовному действию со стороны стороннего созерцателя: «Какому же нищему следует прежде помогать: тому ли, кто еще может выходить на улицу и просить, или же тому, который *не в силах уже и руки протянуть?*» [Гоголь 8: 225].

Способность протянуть руку другому – аксиологическая доминанта позднего Гоголя, однако отнюдь не противоположная тем решениям, которые были даны в «Вечерах...», «Миргороде» и «Петербургских повестях», где присутствие либо отсутствие или деформация жеста рассматривалась писателем как *отклонение от должного*.

Вместе с тем в «Выбранных местах...» жест *протянутая рука* в каких-то случаях лишается человеческого измерения, отождествляясь с божественной силой и благодатью: «Бог весть, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с небес нам лестница и *протянуться рука, помогающая взлететь по ней*» [Гоголь 8: 416]. Здесь протянутая рука изображается посредством нисходящего божественного движения сверху вниз как ответ высшей силы на внутреннее «желанье» человека. Тем самым Гоголь показывает, что смысл жеста определяется не самим действием, а внутренним духовным движением, которое за ним стоит. Жест становится знаком посредничества между земным и небесным и выражает веру писателя в возможность спасения через внутреннее преображение в первую очередь. Рассмотрение жеста в таком ключе отсылает к наблюдению И.А. Виноградова об исповедальном типе психологизма, характерного для творчества Гоголя и предполагающего внешнее выявление духовного опыта, что позволяет рассматривать жест как форму религиозного самовыражения персонажа [Виноградов И.А.: 23–25].

Итак, описание *протянутых рук* полисеманлично и довольно часто встречается у Гоголя прежде всего в ситуациях духовного кризиса, ожидания помощи или нравственного выбора. В этом смысле рассмотренный нами жест приобретает не чисто физиологическую, телесную характеристику, но измеряется Гоголем в духовной системе координат.

В ранних произведениях «Вечеров...» рассмотренный жест преимущественно становится маркером внутреннего напряжения героя, оказавшегося в контакте с нечистой силой («Вечер накануне Ивана Купала») или персонажа, самого наделенного ее признаками (колдун из «Страшной мести»). При этом протянутая рука в первом из названных произведений фиксирует пограничное состояние – момент между намерением и действием, ожиданием и осуществлением, что придает жесту особую психологическую емкость, передавая состояние персонажа, вступившего в контакт с нечистой силой. Опасное соседство с нечистой силой свойственно и чертующимся героям «Повести о ссоре», оказавшимся не способными подать друг другу руку в ситуации возможного примирения (это в равной мере относится и к Ивану Ивановичу, и к Ивану Никифоровичу).

В ряде случаев жест *протянутая рука* связан с ситуацией мольбы и прошения, результат которых неизвестен и взывает к эмоциям и чувствам читателя, с чем соотносимо и подаваемое в сентиментальном плане жестовое поведение детей (в этой связи нужно выделить обретающий и религиозно-нравственный смысл эпизод с убийством Ивася из «Вечера накануне Ивана Купала»). Свойственное Гоголю сентиментальное начало может присутствовать и в диминутивных характеристиках жестового движения женских рук.

Уже в раннем творчестве Гоголя семантика рассмотренного нами жеста обретает не только негативные, но и позитивные характеристики, лишаясь порой телесной явленности («Портрет») и переводимой Гоголем в метафорически-фразеологический по форме и религиозный по содержанию план помощи ближнему. Такие значения жеста с особой силой и постоянством предстают на страницах «Выбранных мест из переписки с друзьями». Видимое различие между подаваемым в негативном свете жесте *протянутая рука* и в его позитивных, взывающих к религиозным чувствам характеристиках в «Выбранных местах...» в действительности подчинено единой на протяжении всего творческого пути аксиологии писателя. В этом смысле напрасно искать какую-либо кардинальную «смену вех» в мировоззрении Гоголя, воссоздававшего негативные характеристики рассмотренного нами жеста в ряде ранних произведений, поскольку здесь они предстают как отступление от должного.

Список литературы

Источники

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / гл. ред. Н.Л. Мещеряков, ред.: В.В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В.А. Десницкий, В.Я. Кирпотин и др.; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Исследования

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 502 с.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избранные труды. Москва: Наука, 1980. 360 с.

Виноградов И.А. Психологизм Н.В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 6–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73>

Воропаев В.А. Гоголь как политический мыслитель // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 74–85. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-74-85>

Григорян А.М. Мотив неподвижности в петербургских повестях Н.В. Гоголя: семантический инвариант и его варианты // Вестник Костромского университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 63–68. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-63-68>

Капустин Н.В. Почему все-таки обиделся Иван Иванович? // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения: сб. ст. по материалам Международ. науч. конф. Москва; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2017. С. 264–272.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Лотман Ю.М. О русской литературе. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1997. 845 с.

Мани Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. Москва: Coda, 1996. 474 с.

Турбин В.Н. Герои Гоголя: кн. для учащихся. Москва: Просвещение, 1983. 127 с.

ant i ego variant [The motif of immobility in Petersburg stories by Nikolai Gogol: semantic invariant and its variants]. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 63–68. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-63-68> (In Russ.)

Капустин Н.В. *Pochemu vse-taki obidelsia Ivan Ivanovich?* [Why did Ivan Ivanovich get offended after all?]. *Gogol' i slavianskii mir. Shestnadsatsye Gogolevskie chteniia: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf.* [Gogol and the Slavic World. Sixteenth Gogol Readings: collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirsk Publ. House, 2017, pp. 264–272. (In Russ.)

Крейдлин Г.Е. *Neverbal'naiia semiotika: Iazyk tela i estestvennyi iazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, 592 p. (In Russ.)

Лотман Ю.М. *O russkoi literature* [About Russian literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1997, 845 p. (In Russ.)

Мани Ю.В. *Poetika Gogolia. Variatsii k teme* [Gogol's poetics. Variations on a theme]. Moscow, Coda Publ., 1996, 474 p. (In Russ.)

Турбин В.Н. *Geroi Gogolia: kn. dlia uchashchikhsia* [Gogol's Characters: a book for students]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983, 127 p. (In Russ.)

Виноградов В.В. *O iazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of literary prose]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 361 p. (In Russ.)

Виноградов И.А. *Psikhologizm N.V. Gogolia* [Psychology of Nikolai Gogol]. *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020, vol. 2, no. 4, pp. 6–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73>. (In Russ.)

Воропаев В.А. *Gogol' kak politicheskii myslitel'* [Nikolai Gogol as a political thinker]. *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020, vol. 2, no. 4, pp. 74–85. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-74-85>. (In Russ.)

References

Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniia raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies from different years]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, 502 p. (In Russ.)

Grigorian A.M. *Motiv nepodvizhnosti v peterburgskikh povestiakh N.V. Gogolia: semanticheskii invari-*

ant i ego variant [The motif of immobility in Petersburg stories by Nikolai Gogol: semantic invariant and its variants]. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 63–68. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-63-68> (In Russ.)

Капустин Н.В. *Pochemu vse-taki obidelsia Ivan Ivanovich?* [Why did Ivan Ivanovich get offended after all?]. *Gogol' i slavianskii mir. Shestnadsatsye Gogolevskie chteniia: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf.* [Gogol and the Slavic World. Sixteenth Gogol Readings: collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirsk Publ. House, 2017, pp. 264–272. (In Russ.)

Крейдлин Г.Е. *Neverbal'naiia semiotika: Iazyk tela i estestvennyi iazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, 592 p. (In Russ.)

Лотман Ю.М. *O russkoi literature* [About Russian literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1997, 845 p. (In Russ.)

Мани Ю.В. *Poetika Gogolia. Variatsii k teme* [Gogol's poetics. Variations on a theme]. Moscow, Coda Publ., 1996, 474 p. (In Russ.)

Турбин В.Н. *Geroi Gogolia: kn. dlia uchashchikhsia* [Gogol's Characters: a book for students]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983, 127 p. (In Russ.)